

РОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ГЕОГРАФИЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ИССЛЕДУЯ НОВЫЕ ПРОЦЕССЫ, ИСПОЛЬЗУЯ НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

УДК 911.3

ПОЛИМАСШТАБНЫЙ ПОДХОД К ВЫЯВЛЕНИЮ ПРОСТРАНСТВЕННОГО НЕРАВЕНСТВА В РОССИИ КАК СТИМУЛА И ТОРМОЗА РАЗВИТИЯ

© 2022 г. Т. Г. Нефедова^а, *, А. И. Трейвиш^а, *, А. В. Шелудков^а, **

^аИнститут географии РАН, Москва, Россия

*e-mail: trene12@yandex.ru

**e-mail: a.v.sheludkov@igras.ru

Поступила в редакцию 14.11.2021 г.

После доработки 11.01.2022 г.

Принята к публикации 22.02.2022 г.

В статье рассмотрены основные понятия, характеризующие пространственное неравенство (неравномерность развития, концентрация, поляризация, фрагментация, сжатие освоенного пространства) в отечественной и зарубежной литературе применительно к проблемам современной России. Российские географы уделяют много внимания как межрегиональному, так и внутрирегиональному неравенству, а также влиянию на них природных, исторических, экономических, демографических и институциональных факторов. На громадной, по-разному освоенной территории России с ее природными контрастами и неодинаковыми последствиями постсоветских преобразований неравенство стало одной из главных характеристик социально-географического пространства. С одной стороны, неравенство способствует развитию страны за счет концентрации населения и экономической деятельности в отдельных регионах и городских центрах, где велик агломерационный эффект, но с другой — сужает пространство этого развития, не давая шанс другим территориям. В статье с использованием официальной статистической информации по регионам и муниципальным образованиям с применением методов статистического распределения, регрессии и типологии анализируются кумулятивные эффекты сжатия социально-экономического пространства по осям север—юг, запад—восток и центр—периферия. Подробно показано неравенство староосвоенных районов от Центра до Урала с учетом исторически унаследованных и новых географических различий. Результаты представлены в виде тематических и комплексных (типологических) карт, составленных по субъектам РФ, муниципальным районам и городским округам. Выделены очаги и факторы роста на фоне отставания и периферизации остальной территории. Исследования приводят авторов к выводу о значительной инерции пространственного развития страны и об устойчивости эндогенных факторов организации ее пространства при переменах, включая постсоветские.

Ключевые слова: неравенство, поляризация, сжатие освоенного пространства, социально-экономическая диагностика, города, сельская местность, центры, периферия

DOI: 10.31857/S2587556622030128

ВВЕДЕНИЕ

По данным Всемирного Банка на 2018 г., Россия занимала 80-е место в списке из 164 стран по уровню неравенства персональных доходов, превосходя в этом отношении таких ближайших соседей, как Украина, Беларусь, Казахстан, и многие страны ОЭСР¹. По данным Росстата, за постсоветский период с 1990 по 2020 г. доля денежных доходов у 20% состоятельных граждан выросла в стране с 32.7 до 46.4%². Неравенство по доходам —

один из аспектов поляризации общества наряду с неравным доступом к социальной инфраструктуре, образованию, рабочим местам, их разным качеством и пр. Эти различия, в свою очередь, тесно связаны с неравенством пространственным — расслоением территорий и мест на более и менее успешные, растущие и стагнирующие, что все чаще становится тормозом развития страны в целом.

Как известно, люди обычно мигрируют туда, где видят шансы на лучшую жизнь и успешную реализацию. Таких мест на карте России немного: крупнейшие города, регионы добычи нефти и газа, некоторые южные (Зубаревич и др., 2020; Нефедова, Глезер, 2020; Borodina, 2017). Стягивание к ним населения на общем фоне его есте-

¹ Gini Index. World Bank Estimate, 2021. <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI> (дата обращения 10.11.2021).

² Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения. Росстат, 2021. <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения 20.01.2022).

ственной убыли расширяет ареалы депопуляции (Карачурина, Мкртчян, 2016; Kashnitsky, 2020).

Рост пространственного неравенства часто считают глобальным феноменом, связывая его с волнами и стадиями технологического развития (Kemeny and Storper, 2020), урбанизации (Urbanization ..., 2008), path dependency (Hedlund, 2005), моделями экономического развития (Golubchikov et al., 2014; Harvey, 2006). В Европе он особенно заметен в постсоциалистических государствах, где развитие рыночных отношений сопровождалось концентрацией капитала и человеческих ресурсов в столичных регионах и стремительной периферизацией окраин (Frost and Podkorytova, 2018; Leibert, 2013; PoSCoPP, 2015).

В России острота пространственного неравенства усиливается наличием и таких объективных факторов, как:

- огромные размеры страны при редкой, особенно на фоне Европы, сети больших городов с зонами их влияния и резкие различия центр–периферия (Грицай и др., 1991; Нефедова, 2013; Пространство ..., 2012; Ioffe et al., 2006; и др.);

- суровая природа на большей части страны в сочетании с наследием советской освоенческой модели в виде сдвинутого к северу расселения и хозяйства (Климат ..., 2020; Природно-климатические ..., 2018; Пространство ..., 2012, с. 128–154; Трейвиш, 2009; Hill and Gaddy, 2003);

- историческая и этнокультурная неоднородность предпосылок развития (Нефедова, 2013; Тишков, 2008; Streletsky, 2017);

- быстрая урбанизация и индустриализация XX в. при неравномерной сельской депопуляции, появление новых форм взаимодействия городов и сельской местности (Город ..., 2001; Между домом ..., 2016; Nefedova and Treivish, 2019).

Важную роль также играют институциональные условия. Концентрация доходов на верхних (федеральный, в меньшей степени региональный) этажах бюджетной системы и деградация местного самоуправления только усиливают центры за счет периферии (Глезер, 2013; Зубаревич, 2019 и др.).

Если пространственное разнообразие есть во многом предпосылка экономического развития, а неравномерность — его спутник (Bargios and Strobl, 2009), то глубокое неравенство — тормоз, который с каждым новым витком исторической спирали обостряет отношения полярных районов. В последние десятилетия эти проблемы в России не раз подвергались анализу; делались попытки выявить корни и эффекты неравенства с разных позиций (Зубаревич, 2019а; Коломак, 2013; Преодоление ..., 2018; Зубаревич, Сафронов, 2019; и др.). Наша цель состоит не только в обобщении публикаций, но и в том, чтобы: 1) собрать из фрагментов целостную картину с показом диапазона простран-

ственного неравенства и его основных аспектов в современной России; 2) детализировать эту картину на материале выбранного ареала.

Статья начинается с обзора основных концептов, которые характеризуют интенсивность и эффекты пространственного неравенства. Последующие разделы посвящены обзору его направлений, факторов и эффектов по литературным источникам и на собственном эмпирическом материале авторов статьи. Проблемы неравенства типичны для разных уровней организации пространства, от макрорегионов до отдельных поселений. Поэтому при изучении пространства России вообще и неравенства, в частности, особенно важен полимасштабный подход (Каганский, 2001; Нефедова, 2013; Трейвиш, 2009). Однако в российской науке шире всего представлены исследования на уровне субъектов Федерации. На муниципальном — они чаще ведутся по отдельным регионам (Нефедова, Старикова, 2020; Шелудков и др., 2016; Медведев, Нефедова, 2021; и др.). Анализ неравенства муниципальных образований всей России проводился в целях выявления городских агломераций (Antonov and Makhrova, 2019) и исследования специфики миграций населения (Между домом ..., 2016, с. 174–194; Карачурина, Мкртчян, 2016; Мкртчян, 2018). Есть попытки описания и типологии муниципальных экономик (Ромашина, 2020). При этом в весьма дробной картине всей страны не всегда понятны главные причинные связи.

Мы провели исследование на муниципальном уровне на примере 37 староосвоенных регионов (1190 муниципалитетов) европейской части России. Для этого использовались показатели из базы данных Федеральной службы государственной статистики (Росстата), ретроспективно пересчитанные в границах муниципальных образований на 1 января 2021 г.

НЕРАВЕНСТВО И СМЕЖНЫЕ ПОНЯТИЯ

Термины “неравенство”, “неравномерность”, “поляризация” и близкие к ним по смыслу общины в научной литературе. Представляется, что они из одного ряда, но не идентичны (Староосвоенные ..., 2021, с. 17–18; Nefedova and Treivish, 2020).

Неравенство имеет социальную и/или политическую коннотацию, касаясь людей, их групп, в том числе территориальных, и обычно требуя оценок на душу населения. Это не синоним *несправедливости*, поскольку возможны справедливые неравенство или несправедливая и неэффективная уравниловка (Okun, 1975; и др.). Вопрос уводит в дебри гуманитарной мысли, но имеет очевидное пространственное измерение.

Неравномерность относится к развитию, всегда дифференцированному, что может ему помогать или мешать. Этой большой темы классики касались в разных контекстах, в рамках теорий размещения деятельности и организации пространства, начиная с Й. фон Тюнена (1826), а также диффузии инноваций (Hägerstrand, 1970; Rogers, 1962; и др.). Глобальный рост или спад влияет на контрасты пространства по-разному: если они следуют исходному расчленению социально-экономического рельефа, то усиливают его, а если нет, то сглаживают (Massey, 1984).

Концентрация означает сосредоточение того или иного явления в любых рамках, включая пространственные. Основную проблему составляют эти рамки, формы и размеры тех ячеек, в которых она проявляется и фиксируется. Но пока вместе с ее очагами растут и другие места, пусть не так быстро, это только концентрация. Ее позитивное следствие — агломерационный эффект, повышающий эффективность экономики, в том числе за счет перетока знаний между компаниями и отраслями, что позволяет центрам ускорять свое развитие и транслировать его достижения на периферию (Зубаревич, 2012).

О *поляризации* говорится в случаях, когда рост и развитие сводятся к одним местам, тогда как другие (противоположный полюс) охвачены убылью, депопуляцией, экономической депрессией. Нередко это же явление называют сегрегацией, расслоением, дивергенцией пространства — терминами, пришедшими из анализа векторных полей в математике.

Сжатие состоит в стягивании жизнедеятельности к очагам, обычно к центрам. Сжатие бывает локационным, более прямым, наглядным и осуждаемым из-за утраты части обжитых, освоенных, экономически активных земель. Другая форма — коммуникационное сжатие: сближение мест за счет средств сообщения, скорее, виртуальное и позитивное (Сжатие ..., 2010). Как и локационное, оно чаще всего работает в пользу центров и в ущерб периферии. Сжатие ведет к *фрагментации* — дроблению пространства на живые и опустевшие участки и к их разобщению, в том числе внутри каждой категории.

Названные категории фигурируют в свежих работах российских авторов, которых все больше занимает поляризация пространства (Анохин, Федоров, 2017; Кузин, 2018; Махрова; и др., 2016а; Махрова; и др., 2016б; Ускова, 2015; и др.). Этот термин входил в названия, как минимум, дюжины кандидатских диссертаций, чаще регионально-экономических, защищенных в 2010–2020 гг. в разных городах России, от Санкт-Петербурга, Белгорода и Краснодара до Иркутска. Обзор методов и трендов этих исследований (Анохин, Кузин, 2021) содержит 95 отечественных и зарубеж-

ных источников, в том числе больших коллективных изданий, и выделяет 10 основных тематических направлений. Пространственной неравномерности (дифференциации) и концентрации также касались многие работы, а вот сжатию везло меньше — видимо, в силу сложности этого понятия и его анализа.

МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО: ФАКТОРЫ, ПРОЯВЛЕНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Веками одним из главных направлений развития России было освоение окраин, особенно восточных и северных. Оно опиралось на миф о неисчерпаемости человеческих и других мобильных ресурсов страны. Несмотря на то, что благоприятные условия жизни людей и ведения сельского хозяйства имеют всего 15% территории на юго-западе России (Климат ..., 2020), к XXI в. здесь в большей мере, чем в иных странах с суровой природой (например, в Канаде), население “сдвинулось” в холодные зоны. Сложность условий жизни в России нарастает и к востоку в силу климатической асимметрии материка и удаления от главных центров. СССР поддерживал населенность севера и востока административными и финансовыми мерами. В наиболее жестких формах — массовым трудом заключенных, а позднее — набором специалистов на крупные индустриальные стройки, высокими зарплатами, льготами, особым снабжением. Ослабление этих мер в 1990-е годы усилило контрастность востока и запада, севера и юга, приводя к миграции населения из многих экстремальных районов. Все же основная полоса расселения в европейской части страны и теперь заходит немного севернее 60-й параллели, за рамки зоны природного комфорта.

С 1990-х годов тренды пространственного развития России изменились из-за распада СССР, смены институтов и типа экономики (Социально-экономическая ..., 2016). Они усилили поляризацию социально-экономического пространства, в том числе за счет сжатия его индустриального слоя (Сжатие ..., 2010; Трейвиш, 2021; и др.). Признаки этих явлений вначале приняли вид кризисной деиндустриализации, обнажив проблемы как старых районов и центров, где в 2000-х годах ее местами сменила реиндустриализация, но редко радикальная, так и зон недавнего освоения, откуда с прекращением поддержки начался массовый отток населения (Зайончковская, 2012).

Неравномерность развития усилилась по трем осям: между севером и югом страны, между ее западными и восточными регионами и между центрами и периферией, т.е. между главными агломерациями и остальной территорией, центрами регионов и их окраинами, а часто даже внутри муниципалитетов. Иначе говоря, неравномерность

проявилась в разных масштабах, затронув не только промышленный, но и аграрный сектор, третичную сферу торговли и услуг, информационную четвертичную. А с ними — территории разного размера и статуса.

Пространство как фактор неравенства и проблемы его преодоления. Разнородность географического пространства усиливает слабая коммуникационная доступность даже многих староосвоенных территорий. При большой длине железных и автодорог, их средняя плотность намного ниже, чем в зарубежной Европе, США, Китае, Мексике. Взамен могли бы развиваться воздушные сообщения. Так одно время и было, но распад СССР привел к кризису отрасли (как и гражданского авиастроения). Сильнее всего пострадали межрегиональные перевозки в обход главных хабов, особенно Московского (тогда как связи с ним дальних региональных центров сохранялись или росли), и внутрирегиональные, обычно на базе малой авиации (Тархов, 2015, 2018). Аэропортов стало меньше в 6 раз, а основные показатели их работы лишь во второй половине 2010-х годов вернулись к уровню 1980-х, но это восстановление прервал кризис 2020 г., вызванный пандемией COVID-19, резко снизившей, в том числе, авиаподвижность населения.

В России всего одна высокоскоростная железная дорога Москва—Санкт-Петербург со скоростью пассажирского движения более 200 км/ч на первой магистрали страны, построенной еще в 1851 г. Для скорости от 250 км/ч нужна новая трасса, пока лишь проектируемая в том же направлении. Реализация проекта высокоскоростной железной дороги Москва—Казань остается на начальной стадии. Автомобильные дороги строились и реконструировались активнее, но они в сотни раз гуще на юге страны, чем на севере и востоке. К тому же приоритет крупных магистралей затрудняет развитие транспорта в целом, приводя к отмене поездов, разрыву дорожных сетей и т.п. (Путешествие ..., 2015). Более 20% сельских домохозяйств связаны с сетью путей общего пользования в лучшем случае малопроезжими дорогами³.

Заметнее успехи в информационно-коммуникационной сфере. Россия стала одной из первых стран, где число активных сим-карт превысило число граждан (с 2006 г.). У нее 5-е место в мире по этому показателю и по числу пользователей Интернета (в 2010 г. она была 7-й). Все же уровень доступа к Интернету ниже, чем в развитых странах. Сотовая связь в купе с интернетизацией — основное направление развития сектора, как во всем мире (Нагирная, 2019). Эта связь более или

менее устойчива в постоянно обитаемых населенных пунктах почти всех регионов, но в зонах между ними ее часто нет. Надежного доступа в Интернет лишено 30% домохозяйств. Велик цифровой разрыв между регионами. По данным Росстата, в 2019 г. широкополосный доступ имели более 85% домохозяйств в газодобывающем Ямало-Ненецком округе, Москве и пяти областях из разных частей страны, а на Чукотке и в Хакасии — не более 55%. В 2020 г. на фоне ограничений мобильности из-за пандемии COVID-19, перехода на удаленный труд, учебу и т.п. резко вырос спрос на домашние усилители сигнала сотовой связи, участились выезды в места по соседству, где эта связь надежнее.

Неравенство, обусловленное проблемами преодоления пространства, связано не только с его физическими размерами и средствами преодоления, но и с соотношением транспортных тарифов и среднедушевых доходов, когда многие даже не самые удаленные территории становятся малодоступными (Сжатие ..., 2020, с. 26).

Экономическое неравенство. Н.В. Зубаревич выводит неравенство регионов из разной структуры их экономики, географии инвестиций и институтов (Зубаревич, 2019а, 2019б; Малева; и др., 2019). Трендом структурных сдвигов с 1990 г. были деиндустриализация занятости населения и рост третичного сектора. Сугубо сервисной стала экономика обеих столиц, ряда южных и других регионов, но даже в Европейской России сервисных регионов меньше, чем индустриальных и индустриально-сервисных. Такие сдвиги не везде были эволюционными, порой они лишь зеркально отражали кризис прежних отраслей-лидеров (Трейвиш, 2021). Что касается инвестиций в основной капитал, то в среднем за 2010–2019 гг. на душу населения они были значительны в сырьевых северных и восточных регионах, столичных городах, Татарстане, некоторых других республиках и в отдельные годы там, где велось затратное строительство перед важными политическими и спортивными событиями (как в Краснодарском крае для Олимпийских зимних игр 2014 г.).

Кризисные спады постсоветской экономики имеют свое региональное измерение, зависящее от природы кризиса, вплоть до текущего (с 2020 г.), который спровоцировала пандемия COVID-19 (Кузнецова, 2020). Но ни один не устранил различий фундаментального характера, особенно по оси центр—периферия.

Из-за кризиса обрабатывающих отраслей страна стала “добывающей”. Поэтому ВРП на душу населения наиболее высок всего в трех нефтегазодобывающих автономных округах (Ненецком, Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском), на Сахалине, Чукотке, в Магаданской области с небольшим населением, а также в Москве, куда

³ Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 года. Т. 2. Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года по субъектам РФ. М.: ИИЦ “Статистика России”, 2017. С. 252.

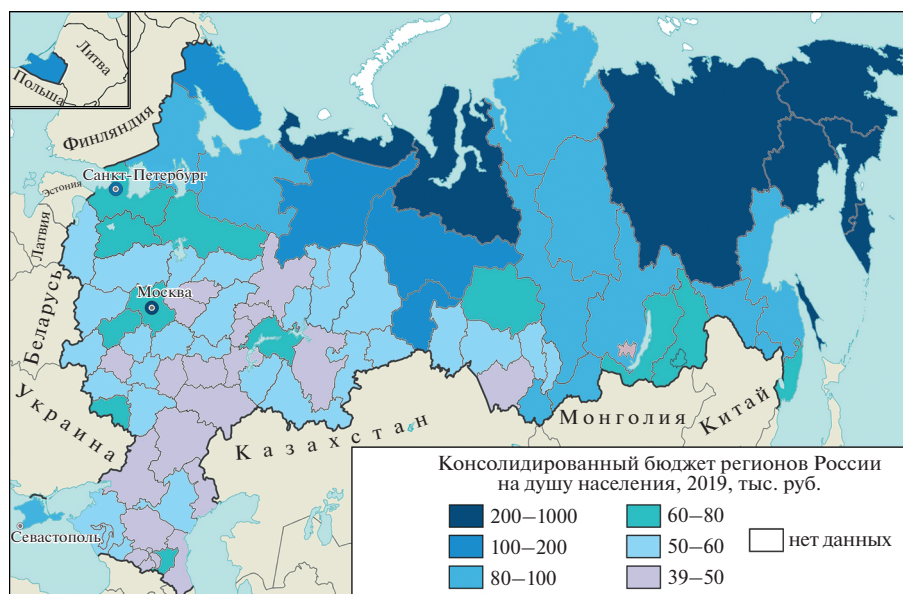

Рис. 1. Доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ на душу населения в 2019 г., тыс. руб./чел.

Источник: Выборка из форм отчетности за период: 01.01.2020. Бюджеты субъектов РФ в цифрах / Бюджет.ру. 10 января 2020. <https://budget.ru/article/396309.php>

по месту локализации штаб-квартир многих сырьевых компаний условно приписана немалая доля их продукции (Вызовы ..., 2020, с. 225). С ВРП коррелирует пространственное неравенство консолидированных бюджетов субъектов РФ (рис. 1), т.е. свода бюджетов региона и его муниципальных образований (но без бюджета государственного территориального фонда обязательного медицинского страхования).

Тренды в расселении. Главным за последние десятилетия было сжатие расселения на всех пространственных уровнях при естественной убыли жителей в большинстве регионов, кроме ряда этнических автономий. Миграционные потоки служат ответом населения на географическое неравенство условий жизни и труда. Потерями населения вначале выделялись районы к востоку от Урала (в 1989–2002 гг. оно сократилось там на 2.4 млн чел., а в европейской части выросло на 0.5 млн). В последние 20 лет убыль стала почти повсеместной (рис. 2а), а сельского населения — особенно сильной (рис. 2б). Ее сдерживали города, прежде всего центры регионов, собирающие внутренних мигрантов, а в некоторых республиках — и естественный прирост, особенно сельский. Мигрантов к 2020 г. привлекали не более 15 регионов: оба столичных, Краснодарский край, Крым, Белгородская область и самые успешные сибирские (Вызовы ..., 2020). Ни один регион, терявший население в позднесоветские десятилетия, не смог переломить эту тенденцию и после распада СССР (Бородин, 2017). Помимо доступности работы и уровня заработка, особенно в третичном секторе,

переезд в Москву, Санкт-Петербург и их окрестности связан с вузами: там в 2018/2019 г. учились, соответственно, 20 и 7% российских студентов (Зотова, 2022).

Повышенная доля (более 40%) населения с душевым доходом свыше 45 тыс. руб. в месяц в целом соответствует экономическому потенциалу регионов. Кроме северных районов это только Москва, где работает и мощный агломерационный эффект, и столичная рента, генерируемая статусом города, близостью к центрам принятия важнейших решений (Зубаревич, 2012).

Неравенство доходов служит проявлением пространственного неравенства в более широком смысле, включающем состояние бюджетов, доступ населения к качественному образованию, медицинскому обслуживанию, достойной работе (Вызовы ..., 2020). Все чаще исследователи социального неравенства в России приходят к выводу, что оно подавляет экономический рост, сужая внутренний спрос, препятствуя структурным сдвигам и по-разному проявляясь в регионах (Экономические ..., 2017).

Особое внимание географов привлекает сверхконцентрация инноваций и финансов в Москве с ее окружением при слабой модернизации полупрессивных и депрессивных глубинных регионов, зависимых от федеральной помощи, где живут до 2/3 россиян. Налицо замкнутый круг: активное население уезжает из таких регионов, усугубляя их проблемы, зато Москва в 2012–2017 гг. поглощала в среднем за год 95 тыс. межрегиональных и международных мигрантов. Немного

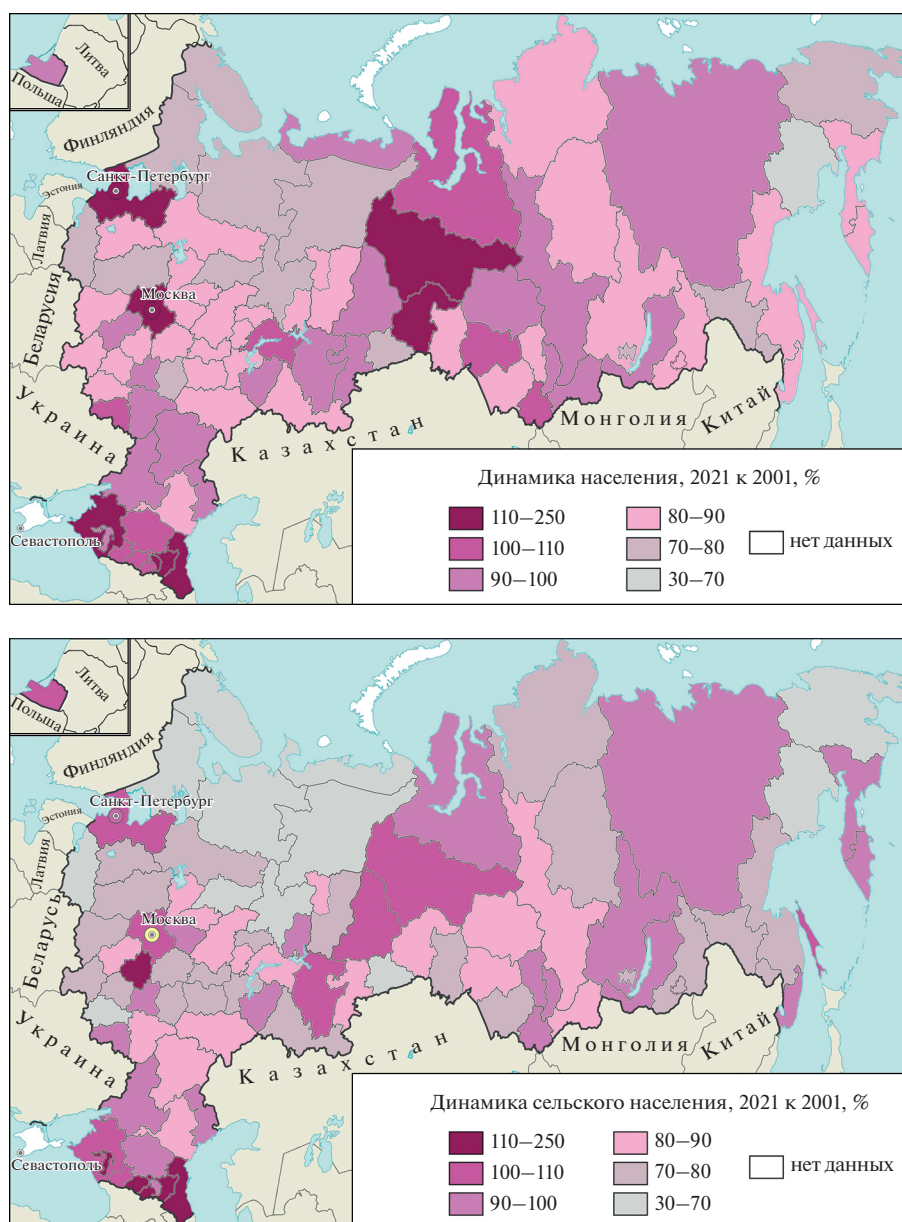

Рис. 2. Динамика всего населения (а) и сельского (б), 2021 г. в % к 2001 г.

Источник: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2021 года. М.: Росстат, 2021; Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2001 года. М.: Госкомстат России, 2001.

уступал ей Санкт-Петербургу с 65 тыс. миграционного прироста (Нефедова, 2020). Миграции на постоянное место жительства и временные трудовые — до 1.2–1.3 млн чел. в год (Между домом ..., 2016; Нефедова, Старикова, 2020) — направлены также в ближайшие к столице города и районы, что усиливает контрасты развития в России, ее центральных областях и внутри Московского региона.

Аттрактивны для мигрантов, инвестиций и т.д. большие (от 100 тыс. жит.) города Московской области, население которых, в сумме 3.5 млн, больше, чем у центров семи смежных регионов

(табл. 1). Рост меньших центров Подмоскovie зависит от их близости к Москве: чем ближе, тем больше мигрантов, которых притягивает столичный рынок труда, но отталкивают цены на жилье и его аренду в самой столице. Московская область прочно заняла первое место в стране по строительству жилья, опережая (в 2020 г.) следующие за ней Краснодарский край и Москву в 1.75–1.8 раза, а регионы-аутсайдеры, малолюдные северные и восточные — в сотни раз.

Трансформация сельского хозяйства и последствия для сельской местности. Изучая аграрные

Таблица 1. Превышение численности населения Москвы над суммарной численностью жителей больших городов Московской области (МО), центров соседних областей (ОЦ) и Санкт-Петербурга, раз

Категория города	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2019 г.
Москва/большие города МО	3.4	3.3	3.9	3.7	3.5
Москва/соседние ОЦ	2.8	2.7	3.4	3.5	4.0
Москва/Санкт-Петербург	1.7	1.9	2.2	2.3	2.3
Большие города МО/соседние ОЦ	0.8	0.8	0.9	0.9	1.2

Источник: (Нефедова, Старикова, 2020).

районы, за рубежом обычно анализируют изменения, влияющие на эффективность их экономики и земельные отношения (Meufroidt et al., 2016; Visser et al., 2014; Wegren, 2014). В России резкая дифференциация сельской местности интересует разных специалистов, включая географов (Аверкиева и др., 2016; Калугина и др., 2015; Алексеев, Сафронов, 2017; и др.). Учитываются и сдвиги в сельском хозяйстве, начиная с тех, к которым привели рыночные реформы. Они по-разному сказались на регионах, вызвав в одних глубокий кризис, закрытие агропредприятий, а в других — их модернизацию и появление новых типов. Три основных фактора пространственного неравенства в сельском хозяйстве — природные условия, трудовые ресурсы и инвестиции — взаимосвязаны, а два последних зависят и от сети больших городов (Нефедова, 2013, 2019; Leibert, 2013).

Роль природных различий усилилась. Регионы лесной зоны с мелкоконтурными малоплодородными угодьями пострадали гораздо сильнее южных. С отказом от огромных советских дотаций и

политики самообеспечения регионов общий объем валовой продукции сельского хозяйства и посевы ключевых зерновых культур сместились в зоны с лучшими природными условиями (рис. 3) из-за выгод концентрации производства там, где оно наиболее прибыльно.

Все это показывает, что Россия следует курсом, которым шли развитые страны во второй половине XX в. Так, в США постепенно были выведены из оборота 356 тыс. км² сельскохозяйственных земель (Люри и др., 2010), немногим меньше, чем в постсоветской России. Но Россия встала на этот путь с опозданием и потерями.

Реформы в регионах шли по-разному (Даньшин, 2017; Нефедова, 2013). В плодородных и сохранивших трудовой потенциал южных новые фермерские хозяйства наращивали свой вклад в производство зерна и подсолнечника (до 30–40%). Эти частные хозяйства стали конкурентами бывших колхозов как производители и как арендаторы земельных паев населения. По площади используемых земель они часто сравнимы с со-

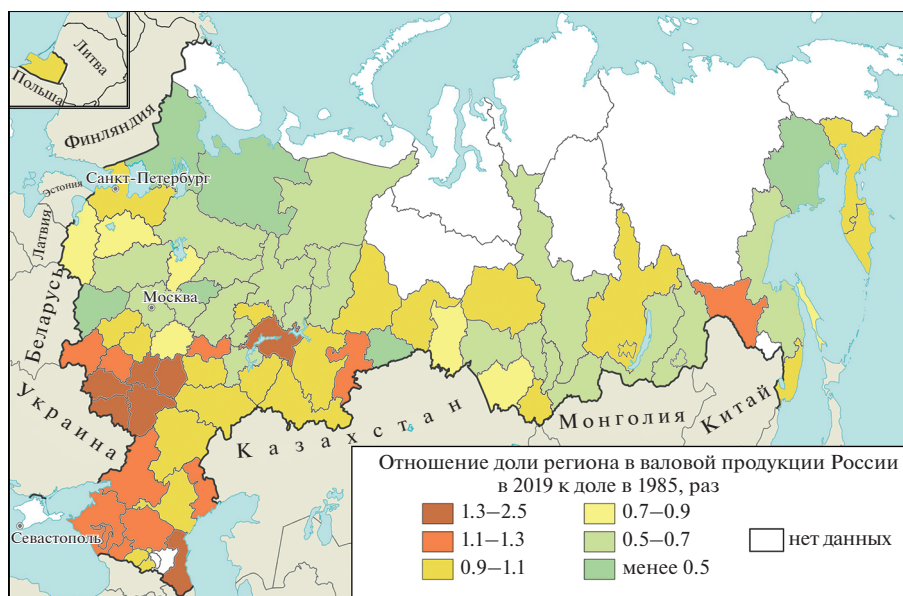

Рис. 3. Динамика доли регионов в валовой продукции сельского хозяйства России, 2019 г. к 1985 г., раз.
Источник: Данные Госкомстата и Росстата.

ветскими предприятиями. В регионах Нечерноземья, долгие годы терявших человеческий капитал, фермеров мало. В республиках юга Европейской России и Сибири коренное население вернулось к традиционному животноводству.

Общемировыми тенденциями развития сельского хозяйства конца XX — начала XXI вв. были процессы индустриализации отрасли, формирование единого рынка аграрной продукции и сближение территорий по уровню включенности в него (Timmer, 1997). Это характерно и для России. С 2000-х годов здесь возобладала концентрация производства в крупных структурах за счет меньших (Барсукова, 2016; Богачев, 2017; Smith and Timar, 2010; и др.). До 50% продукции всех сельскохозяйственных организаций обеспечивают агропромышленные холдинги (Шагайда, Узун, 2019). Есть регионы, где 2–3 предприятия из 100–150 дают половину продукции. Однако в отличие от стран Запада, где мелкие фермы часто встроены в работу крупных компаний (Барсукова, 2016; Наумов, 2014), российские холдинги слабо сотрудничают с малыми и средними производителями. Птицеводческие и свиноводческие гиганты намеренно их теснят, захватывая земли. поголовье крупного рогатого скота со времен СССР сократилось в России вдвое, особенно в Нечерноземье, вопреки обилию лугов и пастбищ, усилив пространственную поляризацию агросектора (Нефедова, 2019). Одна Белгородская область, “мясная столица России”, сосредоточила почти пятую часть поголовья свиней. Пятнадцать регионов-лидеров (из 85) производят 55% мяса в стране. Господство крупных торговых сетей в российских городах позволяет говорить о монополизации продовольственного рынка.

Совокупность этих процессов заметно повлияла на сельскую местность. Опора на крупные высокопродуктивные комплексы, решая задачу продовольственного снабжения городов, резко усилила пространственные контрасты. В Центре и на Северо-Западе агросектор стал выборочно-очаговым, причем небольших частных товарных хозяйств там мало. Это подорвало экономику многих поселений, вызвало резкое сокращение занятости (Аверкиева, 2017) и активизировало отток населения из сельской местности. Он усугубил накопленные за десятилетия результаты депопуляции и стал тормозом экономического развития, которое могло бы опираться на мелкие хозяйства населения (Алексеев, Сафронов, 2017).

Контрасты состояния сельской местности, как и городских территорий, видны на межрегиональном уровне, но еще заметнее внутри регионов, на что давно указывали эксперты (Грицай и др., 1991; Карачурина, Мкртчян, 2016; Нефедова, 2013; Нефедова, Старикова, 2020; Сжатие ..., 2010;

Староосвоенные районы, 2021, с. 46–59; Ткаченко, Фомкина, 2012; и др.).

Муниципалитеты из разных регионов, находясь в однотипных природных условиях, при похожей заселенности и специализации, “имеют между собой гораздо больше общего, чем разнотипные территории в пределах одного региона” (Ромашина, 2019). Поэтому исследования на муниципальном уровне очень важны для выявления траекторий развития городов и сельской местности. В официальных же документах переход к этому масштабу начался в конце 2010-х годов. Его считают одним из достижений разработчиков “Стратегии пространственного развития России до 2025 г.”, принятой в 2019 г.⁴, хотя многие ее положения подвергались довольно жесткой критике (Зубаревич, 2019в; Кузнецова, 2019), в том числе как не решающие ключевых проблем пространственного неравенства. В рамках программы “Комплексное развитие сельских территорий”⁵ Институтом экономики сельского хозяйства (ВНИИЭСХ) в 2020 г. проводилась экономико-социо-экологическая типология сельских территорий на муниципальном уровне⁶. Стремление к замене уровня регионов-субъектов Федерации на муниципальный в качестве ключевого при анализе пространственного развития и неравенства становится одним из современных трендов в российских исследованиях.

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ НЕРАВЕНСТВО: ПРИМЕР СТАРООСВОЕННЫХ РАЙОНОВ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ И УРАЛА

В данном исследовании выбран ограниченный круг 37 регионов старого освоения. Они занимают 16% площади страны, включая историческое ядро Московского государства с городами, некоторые из которых основаны еще в IX в., и районы к югу, востоку и северо-западу от ядра, включенные в состав России в XVI–XVIII вв. Для староосвоенных районов особенно характерна обусловленность развития сочетанием современных факторов и унаследованных пространственных структур.

Основной подход к выявлению неравенства и его пространственных закономерностей на *муниципальном уровне* состоял в анализе основных предпосылок и факторов неравенства, а также в

⁴ Об утверждении “Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года”. Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р. <https://docs.cntd.ru/document/552378463>

⁵ Утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 31.05.2019 № 696.

⁶ Разработка методических рекомендаций по определению типологии сельских территорий Российской Федерации // Отчет о научно-исследовательской работе. ФГБНУ ФНИ ВНИИЭСХ, 2020.

диагностике социально-экономического состояния муниципалитетов (муниципальных районов и городских округов) по ряду характеристик, доступных в официальной статистике [см. подробнее (Нефедова, Шелудков, 2021)].

Основные предпосылки пространственного неравенства. Факторы или предпосылки неравенства социально-экономического развития муниципальных образований можно разделить на две большие группы: 1) зональные, связанные с различиями природных условий для жизни населения и ведения хозяйства; 2) азональные, проявляющиеся именно на муниципальном уровне и отражающие влияние больших городов в зависимости от их размера, положения внутри региона и транспортной доступности.

Общая протяженность рассматриваемой территории с севера на юг превышает 1.5 тыс. км, что делает заметными зональные климатические и ландшафтные различия. До трети рассматриваемой территории, в зоне северных таежных лесов европейской части России, можно отнести к холодной с избыточным увлажнением. Более благоприятные для земледелия и жизни людей природные условия характерны для лесостепных и степных районов к югу и западу от Москвы — на юге Брянской и Рязанской областей, в Центральном Черноземье.

Города здесь развивались как базы колонизации территорий. Позже преимущества административного статуса, концентрация промышленности в советский период и постсоветское развитие третичного сектора усилили роль крупных центров. Из 170 больших (более 100 тыс. жителей) городов России 91 находится в данной староосвоенной части, из них 21 — в Московской области. Население 20 городов превышает 0.5 млн жителей. В итоге, рассматриваемые регионы — чаще всего моноцентричные образования с одним явным лидером (реже двумя), и почти везде он — региональная столица.

Районы в радиусе 60 км от центра каждого региона мы определили как его ближние и дальние пригороды, на расстоянии 60–120 км — как полупериферию, а свыше 120 км — как периферию. Главный признак пригорода — активная экономическая среда, тесно связанная с городом: чем он крупнее, тем пригород шире и плотнее. Однако не исключен эффект “агломерационной тени” (Burger et al., 2015), когда центры перехватывают сервисные функции у пригородов, ослабляя их экономический потенциал. При эксцентричном положении региональных столиц, сдвинутых друг к другу или к Москве, возникают резкие отклонения от регулярности по классической схеме центральных мест (Шупер, Эм, 2012). Так, между Ярославской, Костромской, Ивановской и Владимирской областями, местами на Урале актив-

ная зона влияния крупных городов увеличена за счет их сближения, но расширена и периферия регионов — так называемые медвежьи углы. Многогое зависит и от экономической востребованности города на данном этапе, накопленных проблем (Горячко, 2021; Nefedova and Treivish, 2021), но размер и положение по отношению к крупнейшим центрам заметно влияют на траекторию развития города (Махрова, 2021; Нефедова, Шелудков, 2021; Трейвиш, Нефедова, 2021). В сельской местности это еще заметнее (Нефедова, 2013, 2019). Россия, по замечанию А.И. Трейвиша (2009, с. 348), вообще представляет собой архипелаг немногих ключевых центров в океане периферии, которая отличается не только удаленностью, но часто депопуляцией, деградацией экономики, хотя велика роль и природных условий района, и этнического состава его населения (Нефедова, 2013, с. 180–188).

Удаленность от регионального центра иногда смягчается присутствием в регионе второго города с населением около 100 тыс. чел. и больше. Для остальных городов важно их социально-экономическое состояние, причем чем меньше город, тем обычно выше вероятность его депрессии (часто из-за кризиса или отсутствия градообразующего предприятия) (Гулько, Глезер, 2015; Нефедова, Трейвиш, 2010). Более выгодно положение муниципальных районов и округов, примыкающих к Московской области, особенно если они находятся на транспортных магистралях.

Если совместить три фактора — расстояние до региональной столицы, размер локального центра и близость к Москве, то можно разбить районы на пять классов в соответствии с наилучшими (1) и наихудшими (5) центр-периферийными предпосылками развития. Для выявления типов муниципальных районов по предпосылкам развития центр-периферийные условия были в легенде-шахматке сопоставлены с климатическими условиями (суммой активных температур) (Нефедова, Шелудков, 2021). В результате получена очень контрастная, но выразительная и вполне объяснимая картина (рис. 4). На юге климатические условия отчасти нивелируют негативные эффекты периферийного положения, а на севере усиливают их. В итоге ареалы, удаленные от крупных городов и находящиеся в неблагоприятных климатических условиях, составляют более 80% площади рассматриваемых староосвоенных районов, а численность их жителей — 20 млн чел. (табл. 2).

Социально-экономическая диагностика. Долговременное влияние двух групп факторов — центр-периферийного положения и климата — особенно ясно сказалось на заселенности сельской местности. Подавляющее большинство районов к северу от Москвы вдали от региональных центров имеет плотность населения менее 5 чел./км²

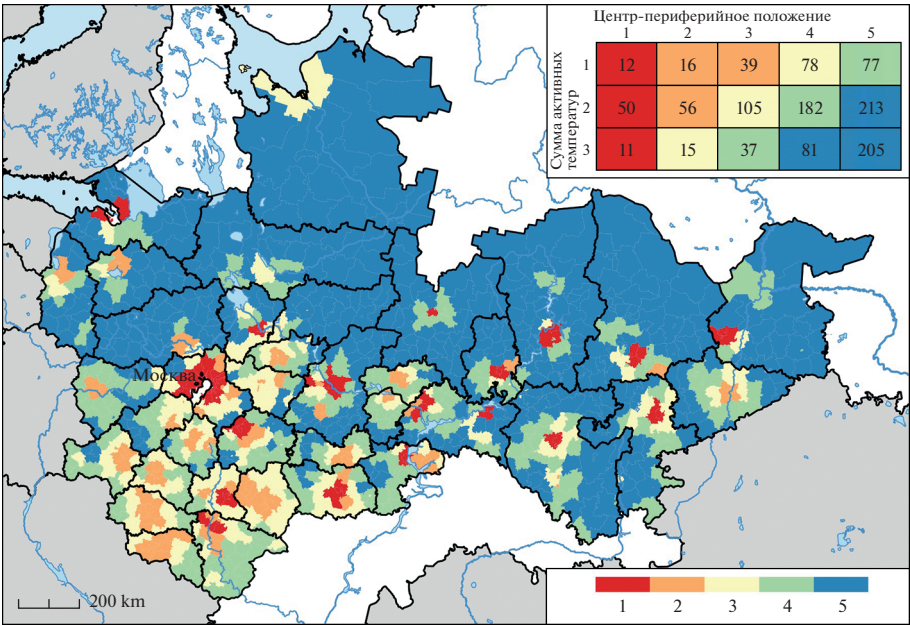

Рис. 4. Типы муниципалитетов по сочетанию центр-периферийных и природных предпосылок развития, по шкале от 1 (лучшие) до 5 (худшие).
Источник: (Нефедова, Шелудков, 2021).

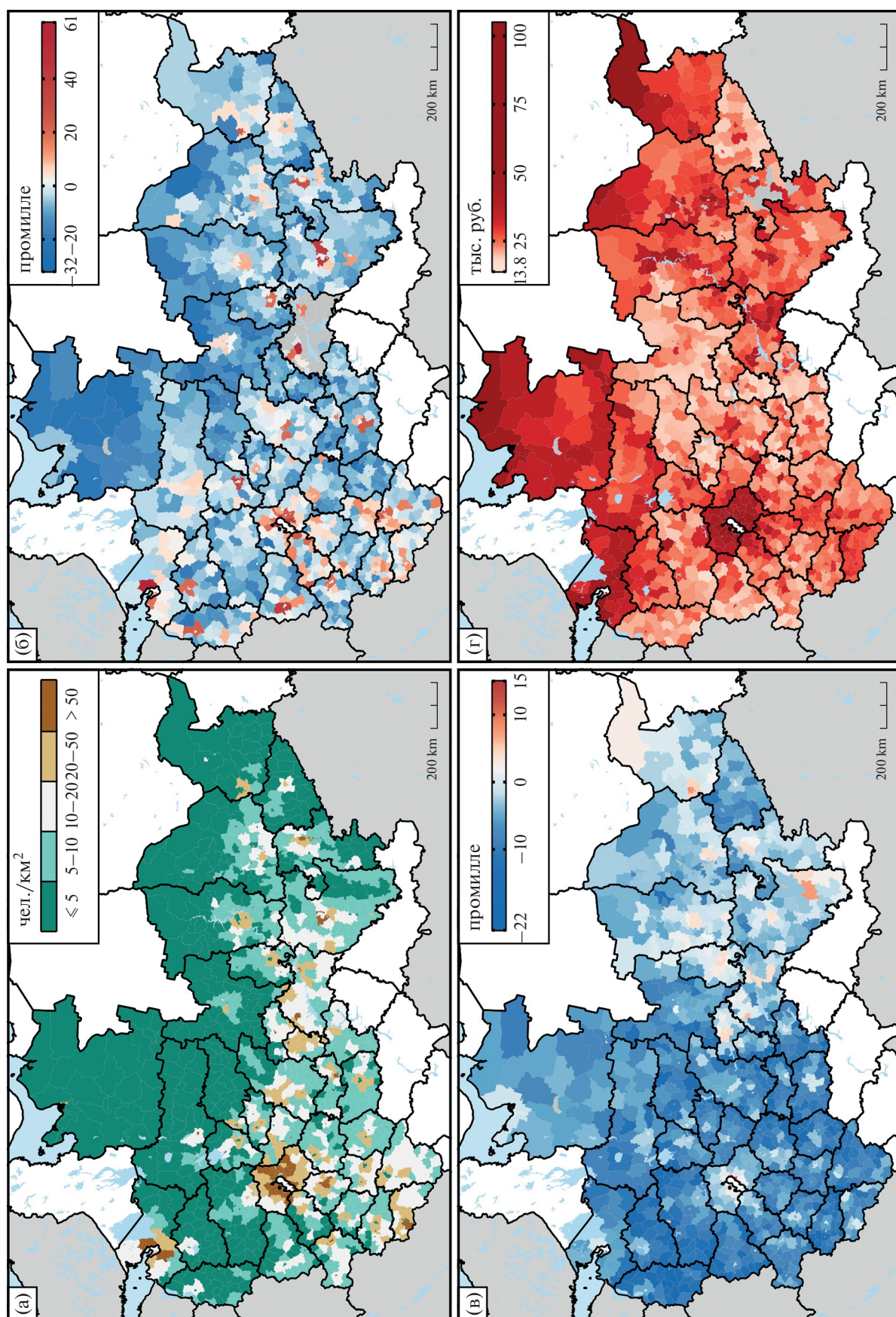
Таблица 2. Доля в территории и численность населения староосвоенных районов с разными центр-периферийными и природными предпосылками развития

Территория	Группа районов				
	1 (лучшие)	2	3	4	5 (худшие)
Доля в территории, %					
Весь макрорегион	2.8	4.6	10.8	18.3	63.5
Центр	5.1	7	17.2	21.9	48.8
Урал	2.1	1.2	5.5	15.7	75.5
Численность (доля) населения, млн человек (%)					
Весь макрорегион	20.7 (32.3)	12.4 (19.4)	9.6 (15.1)	9.8 (15.4)	11.3 (17.6)
Центр	6.1 (35.2)	4.4 (25.2)	3.2 (18.4)	1.8 (10.1)	1.9 (10.7)
Урал	3.9 (39.1)	0.6 (5.9)	1.3 (12.5)	1.6 (16.2)	2.6 (26.2)

Источник: (Нефедова, Шелудков, 2021).

(рис. 5а). Заметны и внутрирегиональные перепады в заселенности, которые могут достигать 5–10 и более раз. Расселение сжалось к отдельным очагам, ассоциированным с городами, и к транспортным лучам, ведущим в сторону Москвы. Нарушают эту картину национальные республики Среднего Поволжья, где урбанизация стартовала позже и местные сообщества еще не разрушены

Рис. 5. Состояние муниципальных образований староосвоенных районов России: (а) плотность населения за пределами административного центра, 2021 г., чел./км²; (б) среднегодовой (2015–2017 гг.) коэффициент миграционного прироста, промилле; (в) среднегодовой (2015–2017 гг.) коэффициент естественного прироста, промилле; (г) среднемесячная заработная плата работников организаций, 2017 г., тыс. руб.
Рассчитано авторами на основе: (а) – Населенные пункты России: численность населения и географические координаты. Минздрав РФ; обработка: Инфраструктура научно-исследовательских данных, АНО “ЦПУР”, 2021. <http://data-in.ru/data-catalog/datasets/160/> (дата обращения 20.08.2021)); (б–г) – (Нефедова Т.Г., Старикова А.В., Трейвиш А.И., Шелудков А.В. База данных “Староосвоенные районы Европейской России”. Институт географии РАН, 2021. Номер свидетельства о регистрации: RU 2021621439).

до такой степени, как в обезлюдивших ареалах на западе (Нефедова, 2013, с. 186) и на заводском Урале.

Если плотность населения лучше всего отражает накопленные эффекты прошлого развития, то текущая миграционная динамика — современные контрасты в развитии городов и регионов. Как неоднократно отмечалось в литературе, для российских регионов характерен продолжающийся центростремительный тренд миграций (Мкртчян, 2018) и староосвоенные районы не являются исключением (рис. 5б). Наиболее привлекательны для мигрантов региональные центры и их пригороды (Нефедова, 2020; Нефедова, Шелудков, 2021; Nefedova and Treivish, 2020): они притягивают молодежь, которая стремится получить образование, и лиц трудоспособного возраста, а пригороды крупных центров — еще и пожилых людей благодаря субурбанизации (Karachuri-na and Mkrtchayn, 2021; Kashnitsky, 2020).

Долговременная миграция меняет половозрастную структуру населения: в районах оттока растет доля старших поколений, а в районах притока — более молодых, что находит отражение в современных показателях естественного прироста (рис. 5в). Здесь мы снова видим различия между условным западом, исчерпавшим демографический потенциал сельской местности в ходе зиянувшей крупногородской урбанизации XX—XXI вв., и условным востоком, где последствия сельской депопуляции пока не так заметны. Кроме этого, внутри каждого региона по сальдо миграции выделяются территории вблизи крупнейших городов: в центральных регионах они всего лишь теряют меньше населения (кроме Москвы), а на востоке — растут, как в Казани и Набережных Челнах, Тюмени, Уфе, Чебоксарах.

Совокупное влияние естественной убыли населения и его оттока с периферии ведет к еще большей депопуляции в сельской местности и в малых городах. Особенно сложная ситуация в регионах Центральной России и Северо-Запада: в периферийных сельских районах между Москвой и Санкт-Петербургом, в Ивановской, Костромской и Кировской областях, а также в Тамбовской области и Мордовии потери населения ежегодно превышают 18 чел. на 1000 жителей.

Центростремительный характер миграций — прямое отражение социально-экономических контрастов между крупными городами и сельской местностью, а также межрегиональных разрывов в доходах населения. В 2017 г. медианная заработная плата работников предприятий и организаций в исследуемых муниципальных образованиях не превышала 25 тыс. руб. (рис. 5г); минимум был близок к 16 тыс. руб. в Оленинском округе Тверской области, а максимум отмечен в подмосковных Лобне и Химках (105 и 72 тыс. руб.

соответственно). Вместе с активным жилищным строительством в Московской агломерации, особенно в 10-километровой зоне вокруг МКАД и вдоль основных транспортных лучей, это приводит к усилению поляризации даже в Московской области (Куричев, Куричева, 2020; Махрова, 2021), не говоря о контрастах с районами и городами соседних областей (Нефедова, Шелудков, 2021).

К гигантским разрывам по доходам добавляются различия в инфраструктурном обустройстве территорий. Плотность автодорог даже в Центре России разнится по районам в разы. За пределы полосы в 5 км вдоль дороги с твердым покрытием трудно добраться пешком или по грунтовому бездорожью. Вне Московской области и пригородов областных центров малодоступность существенно сдерживает развитие районов. Уровень газификации повышен в муниципалитетах центрально-черноземных областей, особенно Белгородской, а также Татарстана, Башкортостана и Чувашии. Добиться таких результатов властям других регионов не удалось и в тех случаях, когда через их территорию идут трубопроводы, снабжающие Европу российским газом. Даже на периферии Московской области уровень газификации понижен, не говоря о регионах к северу от нее, где газ не подведен к 75% населенных пунктов. А подведение к ним трубы еще не означает доступности газа для всех ввиду дороговизны подключения домов к сети (“последней мили”) и бедности населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ пространственной неравномерности развития России показывает, что эндогенные факторы организации ее пространства весьма устойчивы и даже при существенных постсоветских переменах продолжают играть более важную роль, чем политические, экономические и институциональные сдвиги.

В зависимости от масштаба отмечают, как минимум, четыре основных вида географических различий, влияющих на пространственную неравномерность развития:

1) природные зональные, наиболее заметные в мелком масштабе; заметны они и в более крупном — в виде локальных аномалий (например, ополей), влияние которых усиливается как на сельское хозяйство (Нефедова, Медведев, 2020), так и косвенно, через инфраструктурное обустройство, на расселение и условия жизни людей;

2) макрорегиональные различия между староосвоенными районами Центра, Северо-Запада, более молодыми черноземными, Поволжьем, Уралом и Сибирью с Дальним Востоком, связанные с различиями их исторических судеб;

3) межрегиональные, обусловленные экономической специализацией, составом, в том числе этническим, населением, степенью урбанизированности регионов;

4) внутрирегиональные, проявляющиеся в более крупном масштабе и связанные с влиянием городов разного размера на окружающие территории.

Пример староосвоенных районов страны показал, что по сочетанию этих признаков территория распадается на полярные ареалы. На одном — крупные центры и их пригороды, которые притягивают молодое активное население. Помимо Москвы и Санкт-Петербурга это Воронеж, Ярославль, Казань, Тюмень и Екатеринбург, а также более плотно населенные сельские районы Черноземья и Поволжья, менее истощенные депопуляцией, сохраняющие разноукладное сельское хозяйство. На другом полюсе — удаленные от крупных городов, теряющие молодежь и трудоспособное население нечерноземные районы, которым сложно выбраться из колеи социальной и экономической депрессии.

Неоднородность социально-экономического развития России в последние годы усиливается в связи с дефицитом человеческих и финансовых ресурсов. Главными факторами на внутрирегиональном уровне остаются размер города и его статус, от чего зависит экономическое развитие его самого и окружающих территорий. Лишь в южных регионах сохраняется внутренний потенциал развития сельской местности, но и там все большую роль играют такие факторы, как географическое положение, хозяйственный профиль, специфика региона, политика региональных и городских властей. Все вместе это определяет способность муниципальных единиц привлекать капитал и население.

Тот факт, что население, помимо некоторых этнических территорий, растет наиболее активно в Московской агломерации и в столицах регионов, говорит о том, что страна вернулась к стадии активной урбанизации. Крупные центры продолжают “выкачивать” население из сел и деревень, малых и средних городов, большинство которых испытывает глубокий кризис, переставая быть реальными центрами развития.

Несмотря на сильную социально-экономическую и пространственную поляризацию и запаздывающую дезурбанизацию, в России наблюдается и специфическое выравнивание, особенно в староосвоенных районах Центра с наибольшим пространственным неравенством. Общевропейская тенденция стремления горожан в сельскую местность проявляется в современной России в несколько иной, чем на Западе, форме (Между домом ..., 2016; Second ..., 2013). Она связана с дачными, туристическими и международными миграциями временно-возвратного типа. При этом

дачная традиция проявляется не только в распространении садовых и дачных поселков горожан, но и в покупке горожанами домов в умирающих, в том числе удаленных, деревнях для летнего отдыха. Этот сезонный приток горожан в сельскую местность сдерживает процесс социального опустынивания глубинки в староосвоенных районах. Но без элементарного инфраструктурного обустройства (вероятность которого снижается на фоне муниципальной реформы, ликвидирующей низовой уровень местного самоуправления) огромные староосвоенные территории могут превратиться лишь в экологический резерв.

Пространственное развитие весьма инерционно. Оно связано с наличием тех или иных природных ресурсов, человеческим потенциалом, состоянием инфраструктуры, имеющими ярко выраженные различия между северными и южными, западными и восточными регионами, пригородами больших городов и внутрирегиональной периферией. Поэтому выбор направлений, стимулирующих развитие и сглаживающих пространственное неравенство, ограничен. Найти индивидуальную траекторию развития для каждого региона и тем более муниципалитета в московских кабинетах невозможно. Поэтому так необходим простор для местных инициатив и расширение финансовых возможностей региональных и муниципальных властей.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Работа выполнена в Институте географии РАН по теме Государственного задания ИГ РАН АААА-А19-119022190170-1 (FMGE-2019-0008).

FUNDING

The study was carried out within the state-ordered research theme of the Institute of Geography RAS (no. АААА-А19-119022190170-1 (FMGE-2019-0008)).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверкиева К.В.* Изменения в аграрной занятости в российском Черноземье и Нечерноземье с начала 2000-х гг. // Региональные исследования. 2017. № 4. С. 15–24.
- Алексеев А.И., Сафронов С.Г.* Личное подсобное хозяйство в регионах России в конце XX—начале XXI вв. // Региональные исследования. 2017. № 4. С. 25–36.
- Анохин А.А., Кузин В.Ю.* Трансформация современной методологии и трендов исследования поляризации // Изв. РГО. 2021. Т. 153. № 5. С. 3–20.
- Анохин А.А., Фёдоров Г.М.* О соотношении процессов поляризации и выравнивания уровня социально-экономического развития субъектов Российской Федерации // Вестн. СПбГУ. Серия 7: География. География. 2017. Т. 65. № 4. С. 327–342.

- Антонов Е.В. Городские агломерации: подходы к выделению и делимитации // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 1. С. 180–202.
- Барсукова С.Ю. Дилемма “фермеры – агрохолдинги” в контексте импортозамещения // Общественные науки и современность. 2016. № 5. С. 63–74.
- Богачев Д.В. Значение крупного бизнеса в региональном развитии сельского хозяйства // Региональные исследования. 2017. № 4. С. 36–46.
- Бородин Т.Л. Региональные особенности динамики населения России в постсоветский период // Изв. РАН. Сер. геогр. 2017. № 1. С. 47–61.
- Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке / ред. В.М. Котляков, А.Н. Швецов, О.Б. Глезер. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2020. 365 с.
- Глезер О.Б. Система местного самоуправления как составная часть институциональной среды расселения в современной России // Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география / отв. ред. А.И. Алексеев, А.А. Ткаченко. М.: Издательский дом “Кодекс”, 2013. С. 224–244.
- Город и деревня в Европейской России: 100 лет перемен / под ред. Т. Нефедовой, П. Поляна, А. Трейвиша. М.: О.Г.И., 2001. 558 с.
- Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991. 168 с.
- Гулько М.С., Глезер О.Б. Малые районные центры и окружающие территории в Центральной России в 1970–2010 гг.: динамика и распределение населения // Изв. РАН. Сер. геогр. 2015. № 1. С. 64–76.
- Горячко М.Д. Промышленные функции городских округов Московской области на современном этапе // Геоурбанистика и градостроительство: теоретические и прикладные исследования / отв. ред. А.Г. Махрова. М.: Геогр. ф-тет МГУ, 2021. С. 270–293.
- Даньшин А.И. Динамика и основные факторы развития сельскохозяйственной отрасли в регионах России в постсоветский период // Региональные исследования. 2017. № 4. С. 46–56.
- Зайончковская Ж.А. Россия: масштабная иммиграция неизбежна // Географическое положение и территориальные структуры: памяти И.М. Маергойза / сост. П.М. Полян, А.И. Трейвиш. М.: Новый хронограф, 2012. С. 659–687.
- Зотова М.В. “Третичная экономика”: торговля и услуги // Современная Россия: географическое описание нашего Отечества. Европейская Россия и Урал. В 2-х кн. Кн. 1. Общий обзор / отв. ред. В.М. Котляков, О.Б. Глезер. М.: Паулсен, 2022.
- Зубаревич Н.В. Регионы России. Неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.
- Зубаревич Н.В. Рента столичного статуса // Pro et Contra. 2012. Т. 16. № 6. С. 6–18.
- Зубаревич Н.В. Неравенство регионов и крупных городов России: что изменилось в 2010-е годы? // Общественные науки и современность. 2019а. № 4. С. 57–70.
- Зубаревич Н.В. Бедность в российских регионах в 2000–2017 годах: факторы и динамика // Население и экономика. 2019б. № 3 (1). С. 63–74.
- Зубаревич Н.В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. 2019в. № 1. С. 135–145.
- Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Люди и деньги: доходы, потребление и финансовое поведение населения российских регионов в 2000–2017 гг. // Изв. РАН. Сер. геогр. 2019. № 5. С. 3–17.
- Зубаревич Н.В., Макаренцева А.О., Мкртчян Н.В. Социально-экономическое положение регионов и демографические итоги 2019 г. (по результатам регулярного мониторинга ИНСАП РАНХиГС) // Экономическое развитие России. Т. 27. № 4. С. 73–87.
- Каганский В. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.
- Калугина З.И., Фадеева О.П., Братющенко С.В. Социально-экономическая поляризация сельского пространства России // Регион: экономика и социология. 2015. № 3 (87). С. 123–145.
- Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Роль миграций в усилении контрастов на муниципальном уровне в России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2016. № 5. С. 46–59.
- Климат и жизнедеятельность населения России. Атлас. М.: Институт географии РАН, 2020. 68 с.
- Коломак Е.Е. Неравномерное пространственное развитие в России: объяснения новой экономической географии // Вопросы экономики. 2013. № 2. С. 132–150.
- Кузин В.Ю. Глобализация и поляризация: тренды на разных территориальных уровнях в России // Социально-экономическая география. Вестн. Ассоциации российских географов-обществоведов. 2019. № 8. С. 162–175.
- Кузнецова О.В. Стратегия пространственного развития Российской Федерации: иллюзия решений и реальность проблем // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4. С. 107–125.
- Кузнецова О.В. Уязвимость структуры региональных экономик в кризисных условиях // Федерализм. 2020. № 2. С. 20–38.
- Куричев Н.К., Куричева Е.К. Пространственная структура жилищного строительства в Московской агломерации: радиально-секторальная дифференциация // Вестн. СПбГУ. Науки о Земле. 2020. Т. 65. № 1. С. 74–95.
- Люри Д.И., Горячкин С.В., Караваева Н.А., Денисенко Е.А., Нефедова Т.Г. Динамика сельскохозяйственных земель в XX веке и постарогенное восстановление растительности и почв. М.: ГЕОС, 2010. 416 с.
- Малева Т.М., Ляшок В.Ю., Зубаревич Н.В. Социально-экономическая динамика и положение регионов в середине 2019 г. (по результатам регулярного Мониторинга ИНСАП РАНХиГС) // Экономическое развитие России. 2019. Т. 26. № 9. С. 35–50.
- Махрова А.Г. Современные тенденции развития пригородной зоны Московской агломерации // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика / ред. А.П. Катровского,

- В.Е. Шувалова, А.А. Агирречу. Смоленск: Изд-во Смоленского гос. ун-та, 2021. С. 346–352.
- Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Поляризация пространства Центрально-российского мегаполиса и мобильность населения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2016а. № 5. С. 77–85.
- Махрова А.Г., Медведев А.А., Нефедова Т.Г. Садово-дачные поселки горожан в системе сельского расселения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2016б. № 2. С. 64–74.
- Медведев А.А., Нефедова Т.Г. Постсоветская трансформация животноводства в Центральной России по данным статистики, космическим снимкам и наблюдениям авторов // Изв. РАН. Сер. геогр. 2021. Т. 85. № 2. С. 176–194.
- Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. М.: Новый Хронограф. 504 с. <http://ekonom.igas.ru/data/bhah2016.pdf>
- Мкртчян Н.В. Региональные столицы России и их пригороды: особенности миграционного баланса // Изв. РАН. Сер. геогр. 2018. № 6. С. 26–38.
- Нагирная А.В. Проблемы информатизации России в условиях географической неравномерности и глобальной нестабильности // География и экология в школе XXI века. 2019. № 9. С. 12–20.
- Наумов А.С. Региональное развитие сельского хозяйства в европейских странах и в России в условиях глобальной продовольственной взаимозависимости и дефицита земельных ресурсов // Вест. РУДН. Сер. Экономика. 2014. № 3. С. 63–74.
- Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. М.: URSS, 2013. 456 с.
- Нефедова Т.Г. Развитие постсоветского аграрного сектора и поляризация сельского пространства Европейской части России // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4. С. 36–56.
- Нефедова Т.Г. Контрасты социально-экономического пространства в центре России и их эволюция: два “разреза”-профиля // Региональные исследования. 2020. № 2 (68). С. 18–38.
- Нефедова Т.Г., Глезер О.Б. Трансформация социально-географического пространства России // Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке / ред. В.М. Котляков, А.Н. Швецов, О.Б. Глезер. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2020. С. 214–252.
- Нефедова Т.Г., Медведев А.А. Сжатие освоенного пространства в Центральной России: динамика населения и использование земель в сельской местности // Изв. РАН. Сер. геогр. 2020. Т. 84. № 5. С. 645–659.
- Нефедова Т.Г., Старикова А.В. Миграции населения как способ его адаптации к поляризации пространства в центре России // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 24–38.
- Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Города и сельская местность: состояние и соотношение в пространстве России // Региональные исследования. 2010. № 2. С. 42–57.
- Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Перестройка расселения в современной России: урбанизация или дезурбанизация // Региональные исследования. 2017. № 2 (56). С. 12–23.
- Нефедова Т.Г., Шелудков А.В. Основные факторы пространственной дифференциации. Диагностика социально-экономического состояния городов и районов // Староосвоенные районы в пространстве России: история и современность. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2021. С. 323–347.
- Преодоление пространственного неравенства. Как снова собрать советский “пазл” в условиях рыночной экономики. Группа Всемирного банка. Май 2018. 60 с.
- Пространство современной России: возможности и барьеры развития. Размышления географов-обществоведов. М.—Ростов-на-Дону: АРГО—Северо-Кавказский НИИ эконом. и соц. проблем, 2012. 330 с.
- Путешествие из Петербурга в Москву: 222 года спустя. Кн. 1. Два столетия российской истории между Москвой и Санкт-Петербургом / ред. Т.Г. Нефедовой, А.И. Трейвиша, К.В. Аверкиевой. М.: URSS-ЛЕНАНД, 2015. 240 с.
- Природно-климатические условия и социально-географическое пространство России / ред. А.Н. Золотокрылин, В.В. Виноградова, О.Б. Глезер. М.: Институт географии РАН, 2018. 156 с.
- Ромашина А.А. Типология муниципальных образований России по специализации экономики и положению в системе расселения // Региональные исследования. 2019. № 3. С. 42–53.
- Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования / ред. С.С. Артоболовского, Л.М. Сминцерова. М.: Эслан, 2010. 428 с.
- Социально-экономическая география в России / ред. П.Я. Бакланова, В.Е. Шувалова. РГО. Владивосток: Дальнаука, 2016. 326 с.
- Староосвоенные районы в пространстве России: история и современность / ред. Т.Г. Нефедовой, А.В. Стариковой. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2021. 379 с.
- Тархов С.А. Изменение связности пространства России (на примере авиапассажирского сообщения). М.—Смоленск, 2015. 154 с.
- Тархов С.А. Изменения авиатранспортной связности городов России в 1990–2015 гг. // Изв. РАН. Сер. геогр. 2018. № 2. С. 5–26.
- Территориальное неравенство. Курс МФК: Кризисы в России в XXI веке: региональная проекция, 2019.
- Тишков В.В. Устойчивость и подвижность этнокультурных границ. М.: Старый сад, 2008. 230 с.
- Ткаченко А.А., Фомкина А.А. Глубинка Центральной России: опыт формализованного выделения // Российская глубинка — модели и методы изучения. М.: Эслан, 2012. С. 49–62.
- Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. 372 с.
- Трейвиш А.И. Уровни развития и структурные типы районов // Староосвоенные районы в простран-

- стве России: история и современность. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2021. С. 30–38.
- Трейвиш А.И., Неведова Т.Г. Столичность, центральность, размеры и соперничество городов в мире и в России // Геоурбанистика и градостроительство: теоретические и прикладные исследования / ред. А.Г. Махрова. М.: Геогр. ф-тет МГУ, 2021. С. 49–72.
- Ускова Т.В. Пространственное развитие территорий: состояние, тенденции, пути снижения рисков // Проблемы развития территории. 2015. № 1 (75). С. 7–15.
- Шагайда Н.И., Узун В.Я. Драйверы роста и структурных сдвигов в сельском хозяйстве России // Научные доклады РАНХиГС. 2019. № 4 (19). М.: Издат. дом “Дело”. 96 с.
- Шелудков А.В., Рассказов С.В., Фарахутдинов Ш.Ф. Сельские муниципалитеты юга Тюменской области: пространство, статистика, власть. М.: Страна Оз, 2016. 184 с.
- Шупер В.А., Эм П.П. Расширение Москвы: альтернатива с точки зрения теории центральных мест // Российская глубинка: модели и методы ее изучения. М.: Институт географии РАН, 2012. С. 124–135.
- Экономические и социальные проблемы России: Сб. науч. тр. РАН ИНИОН. Неравенство в современном мире: экономический и социальный аспекты. М., 2017. № 2. 142 с.
- Barrios S., Strobl E. The dynamics of regional inequalities // Reg. Sci. and Urban Econ. 2009. V. 39. № 5. P. 575–591.
- Burger M.J. et al. Borrowed size, agglomeration shadows and cultural amenities in North-West Europe // Europ. Plan. Stud. 2015. V. 23. № 6. P. 1090–1109.
- Golubchikov O., Badyina A., Makhrova A. The Hybrid spatialities of transition: Capitalism, legacy and uneven urban economic restructuring // Urban Stud. 2014. № 51 (4). P. 617–633.
- Ioffe G., Nefedova T., Zaslavski I. The End of Peasantry? The Disintegration of Rural Russia. US: Univ. of Pittsburgh Press, 2006. 250 p.
- Frost I., Podkorytova M. Former Soviet cities in globalization: An intraregional perspective on interurban relations through networks of global service firms // Euras. Geogr. and Econ. 2018. № 59 (1). P. 98–125.
- Hägerstrand T. What about people in regional science? // Papers of the Reg. Sci. Association. 1970. № 24. P. 7–21.
- Harvey D. Spaces of Global Capitalism: Towards a Theory of Uneven Geographical Development. London: Verso, 2006.
- Heyns B. Emerging inequalities in Central and Eastern Europe // Annual Rev. of Sociol. 2005. № 31. P. 163–197.
- Hill F., Gaddy C. The Siberian curse: how communist planners left Russia out in the cold. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2003. 240 p.
- Karachurina L., Mkrtchyn N. Internal migration and population concentration in Russia: age-specific patterns // GeoJournal. 2021. <https://doi.org/10.1007/s10708-021-10525-z>
- Kashnitsky I. Russian periphery is dying in movement: A cohort assessment of internal youth migration in Central Russia // GeoJournal. 2020. № 85 (1). P. 173–185.
- Kemeny T., Storper M. Superstar cities and left-behind places: disruptive innovation, labor demand, and interregional inequality. LSE International Inequalities Institute, 2020. 38 p.
- Lang T. Understanding new geographies of Central and Eastern Europe / Lang T., Henn S., Ehrlich K., Sgibnev W. (Eds.). Understanding new Geographies of Central and Eastern Europe. Socio-Spatial Polarization and Peripheralization in a Rapidly Changing Region. Palgrave, 2015. P. 1–21.
- Leibert T. The peripheralization of rural areas in post-socialist Central Europe: A case of fragmenting development? Lessons from rural Hungary // Peripheralization. The Making of Spatial Dependences and Social Injustice / Fischer-Tahir A., Naumann M. (Eds.). Wiesbaden: Springer, 2013. P. 101–120.
- Massey D. Spatial Divisions of Labor: Social Structures and the Geography of Production. N.Y.: Methuen, 1984. 339 p.
- Meyfroidt P., Schierhorn F., Prishchepov A., Müller D., Kuemmeler T. Drivers, constraints and trade-offs associated with recultivating abandoned cropland in Russia, Ukraine, and Kazakhstan // Global Environ. Change. 2016. V. 37. P. 1–15.
- Nefedova T.G., Treivish A.I. Russia's early developed regions within shrinking social and economic space // Reg. Sci. Policy and Practice. 2020. V. 12. № 4. P. 641–655.
- Nefedova T.G., Treivish A.I. Uneven development of old industrial regions in the Middle Urals // Reg. Res. of Russia. 2021. V. 11. № 2. P. 153–167.
- Okun A.M. Equality and Efficiency: The Big Tradeoff. Washington, D.C.: Brookings Institution, 1975. 124 p.
- PoSCoPP (Research Group Production of Space in the Context of Polarization and Peripheralization). Understanding New Geographies of Central and Eastern Europe // Understanding Geographies of Polarization and Peripheralization: Perspectives from Central and Eastern Europe and Beyond. Lang T., Henn S., Sgibnev W., Ehrlich K. (Eds.). London: Palgrave Macmillan, 2015. P. 1–21.
- Rogers E.M. Diffusion of Innovations. N.Y.: Macmillan, 1962. 367 p.
- Second Home Tourism in Europe: Lifestyle Issues and Policy Responses / Roca Z. (Ed.). Farnham: Ashgate Publishers, 2013. 331 p.
- Smith A., Timar J. Uneven transformations: Space, economy and society 20 years after the collapse of state socialism // Europ. Urban and Reg. Stud. 2010. V. 17. № 2. P. 115–125.
- Streletsky V. Ethnic, Confessional and Cultural Patterns of Regionalism in the Post-Soviet Russia // Hungarian Geogr. Bul. 2017. V. 66. № 3. P. 219–233.
- Timmer P. Tendencias de la agricultura en la era de la globalización: una visión prospectiva // Comuniica. 1997. T. 2. V. 7. P. 40–50.

Thünen J.H. von. Der isolirte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie. Hamburg: Perthes, 1826. 290 p.

Urbanization and growth / Spence M., Annez P.C., Buckley R.M. (Eds.). World Bank Publications, 2008.

Visser A., Spoor M., Mamonova N. Is Russia the emerging global “breadbasket”? Re-cultivation, agroholdings, and grain production // *Europe-Asia Stud.* 2014. V. 66. № 10. P. 1589–1610.

Wegren S.K. Rural inequality in post-Soviet Russia // *Problems of Post-Communism*. 2014. № 61 (1). P. 52–64.

A Multi-Scale Approach to Identifying Spatial Inequality in Russia as Incentive and Obstacle in Development

T. G. Nefedova^{1, *}, A. I. Treivish¹, and A. V. Sheludkov^{1, **}

¹ *Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

*e-mail: trene12@yandex.ru

**e-mail: a.v.sheludkov@igras.ru

The article discusses the main concepts that characterize spatial inequality (uneven development, concentration, polarization, fragmentation, shrinking of socio-geographic space) in domestic and foreign literature as applied to the problems of modern Russia. Russian geographers pay much attention to both interregional and intraregional inequality, as well as to their links with natural, historical, economic, demographic, and institutional factors. On the vast and unevenly developed territory of Russia, with its natural contrasts and different results of post-Soviet transformations, spatial inequality has become one of the main characteristics of socio-geographic space. On the one hand, inequality facilitates the country's development by focusing its population and economic activities in certain regions and cities where the agglomeration effects are great; on the other hand, it narrows the space for the development, leaving no chance for other territories. The article uses official statistical information on regions and municipalities to analyze the cumulative effects of the shrinking socio-economic space along the North-to-South, East-to-West, and center-periphery axes. The inequality of the old-developed regions from the Central Russia to the Urals is shown in more detail, taking into account the historically inherited and new geographical differences. The results are presented in the form of thematic and complex (typological) maps, drawn by subjects of the Russian Federation, municipal and urban districts. Foci and growth factors are identified against the background of peripheralization and lagging of other areas. The research leads the authors to the conclusion about the significant inertia of the Russia's spatial development, the stability of the endogenous factors structuring its space under all changes, including post-Soviet ones.

Keywords: inequality, polarization, shrinkage of developed space, socioeconomic diagnosis, city, rural area, center, periphery

REFERENCES

- Alekseev A.I., Safronov S.G. Subsidiary household farming in Russian regions in the late 20th–early 21st centuries. *Reg. Res. Russ.*, 2018, vol. 8, pp. 364–374. <https://doi.org/10.1134/S2079970518040019>
- Anokhin A.A., Fedorov G.M. The correlation of the processes of polarization and alignment of the level of social and economic development in the subjects of Russian Federation. *Vestn. S.-Peterb. Univ., Ser. 7: Geol., Geogr.*, 2017, vol. 62, no. 4, pp. 327–342. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu07.2017.401>
- Anokhin A.A., Kuzin V.Yu. Transformation of modern methodology and trends in polarization research. *Izv. Russ. Geogr. O-va*, 2021, vol. 153, no. 5, pp. 3–20. (In Russ.).
- Antonov E.V. Urban agglomerations: approaches to allocation and delimitation. *Kontury Global'nykh Transformatsii: Politika, Ekonomika, Pravo*, 2020, vol. 13, no. 1, pp. 180–202. (In Russ.).
- Averkieva K.V. Changes in agrarian employment in the Russian Chernozem and Non-Chernozem regions since the early 2000s. *Reg. Issled.*, 2017, no. 4, pp. 15–24. (In Russ.).
- Barrios S., Strobl E. The dynamics of regional inequalities. *Reg. Sci. Urban Econ.*, 2009, vol. 39, no. 5, pp. 575–591.
- Barsukova S.Yu. The farmers-agroholdings dilemma in the context of import substitution. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost'*, 2016, no. 5, pp. 63–74. (In Russ.).
- Bogachev D.V. The importance of large agribusinesses in the regional development of agriculture. *Reg. Issled.*, 2017, no. 4, pp. 36–46. (In Russ.).
- Borodina T.L. Regional features of population dynamics in Russia in the post-Soviet Period. *Reg. Res. Russ.*, 2017, vol. 7, no. 1, pp. 10–22.
- Burger M.J., Meijers E.J., Hoogerbrugge M.M., Tresserra J.M. Borrowed size, agglomeration shadows and cultural amenities in North-West Europe. *Eur. Plan. Stud.*, 2015, vol. 23, no. 6, pp. 1090–1109.
- Dan'shin A.I. Dynamics and main factors of agricultural development in the regions of Russia in the post-Soviet period. *Reg. Issled.*, 2017, no. 4, pp. 46–56. (In Russ.).

- Economic Crises in Russia in the 21st Century: Regional Projection. Spatial Inequality. Interfaculty Course. Moscow: Moscow State Univ., 2019. (In Russ.).
- Frost I., Podkorytova M. Former Soviet cities in globalization: An intraregional perspective on interurban relations through networks of global service firms. *Eurasian Geogr. Econ.*, 2018, vol. 59, no. 1, pp. 98–125.
- Glezer O.B. The system of local self-governance as a component of the institutional environment of settlement pattern in modern Russia. In *Voprosy Geografii* [Problems of Geography]. Vol. 135: *Geografiya naseleniya i sotsial'naya geografiya* [Population Geography. Social Geography]. Alekseev A.I., Tkachenko A.A., Eds. Moscow: Kodeks Publ., 2013, pp. 224–244. (In Russ.).
- Golubchikov O., Badyina A., Makhrova A. The Hybrid spatialities of transition: Capitalism, legacy and uneven urban economic restructuring. *Urban Stud.*, 2014, vol. 51, no. 4, pp. 617–633.
- Gorod i derevnya v Evropeiskoi Rossii: 100 let peremen* [City and Village in European Russia: 100 Years of Change]. Nefedova T., Polyani P., Treivish A., Eds. Moscow: OGI Publ., 2001. 558 p.
- Goryachko M.D. Industrial functions of urban districts of the Moscow region at the present stage. In *Geourbanistika i gradostroitel'stvo: teoreticheskie i prikladnye issledovaniya* [Urban Geography and Urban Planning: Theoretical and Applied Research]. Makhrova A.G., Ed. Moscow: Geogr. Fak-t Mosk. Gos. Univ., 2021, pp. 270–293. (In Russ.).
- Gritsai O.V., Ioffe G.V., Treivish A.I. *Tsentr i periferiya v regional'nom razviti* [Center and Periphery in Regional Development]. Moscow: Nauka Publ., 1991. 168 p.
- Gunko M.S., Glezer O.B. Small district centers and the surrounding areas in Central Russia (1970–2010): dynamics and distribution of population. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2015, no. 1, pp. 64–76. (In Russ.). <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2015-1-64-76>
- Hägerstrand T. What about people in regional science? *Pap. Reg. Sci. Assoc.*, 1970, vol. 24, pp. 7–21.
- Harvey D. *Spaces of Global Capitalism: Towards a Theory of Uneven Geographical Development*. London: Verso, 2006. 154 p.
- Heyns B. Emerging inequalities in Central and Eastern Europe. *Annu. Rev. Sociol.*, 2005, vol. 31, pp. 163–197.
- Hill F., Gaddy C. *The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia out in the Cold*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2003. 240 p.
- Inequality in the Modern World: Economic and Social Aspects. *Ekonomicheskie i Sotsial'nye Problemy Rossii*, 2017, no. 2. 142 p. (In Russ.).
- Ioffe G., Nefedova T., Zaslavski I. *The End of Peasantry?: The Disintegration of Rural Russia*. Univ. of Pittsburgh Press, 2006. 250 p.
- Kaganskii V.L. *Kul'turnyi landshaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo* [Cultural Landscape and the Soviet Inhabited Space]. Moscow: NLO Publ., 2001. 576 p.
- Kalugina Z.I., Fadeeva O.P., Bratyushchenko S.V. Socio-economic polarization of rural Russia. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya*, 2015, no. 3, pp. 123–145. (In Russ.).
- Karachurina L., Mkrtchyn N. Internal migration and population concentration in Russia: age-specific patterns. *GeoJournal*, 2021. <https://doi.org/10.1007/s10708-021-10525-z>
- Karachurina L.B., Mkrtchyan N.V. The role of migration in enhancing settlement pattern contrasts at the municipal level in Russia. *Reg. Res. Russ.*, 2016, vol. 6, no. 4, pp. 332–343.
- Kashnitsky I. Russian periphery is dying in movement: A cohort assessment of internal youth migration in Central Russia. *GeoJournal*, 2020, vol. 85, no. 1, pp. 173–185.
- Kemeny T., Storper M. *Superstar Cities and Left-Behind Places: Disruptive Innovation, Labor Demand, and Interregional Inequality*. LSE Int. Inequalities Inst., 2020. 38 p.
- Klimat i zhiznedeyatel'nost' naseleniya Rossii. Atlas* [Climate and Livelihood of Russia's Population. Atlas]. Moscow: Inst. Geogr. RAN, 2020. 68 p.
- Kolomak E.E. Uneven spatial development in Russia: An explanation of the new economic geography. *Vopr. Ekon.*, 2013, no. 2, pp. 132–150. (In Russ.).
- Kurichev N.K., Kuricheva E.K. Spatial pattern of housing construction in Moscow agglomeration: radial and sectoral differentiation. *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*, 2020, vol. 65, no. 1, pp. 74–95. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu07.2020.105>
- Kuzin V.Yu. Globalization and polarization: trends at different spatial scales in Russia. *Sotsial'no-Ekon. Geogr. Vestn. Assots. Ross. Geogr.-Obshchestvovedov*, 2019, no. 8, pp. 162–175. (In Russ.).
- Kuznetsova O.V. Problems of elaboration of spatial development strategy of the Russian Federation. *Prostranstvennaya Ekonomika*, 2019, vol. 15, no. 4, pp. 107–125. (In Russ.).
- Kuznetsova O.V. Vulnerability of regional economies' structure in crisis conditions. *Federalizm*, 2020, no. 2, pp. 20–38. (In Russ.).
- Leibert T. The peripheralization of rural areas in post-socialist Central Europe: A case of fragmenting development? Lessons from rural Hungary. In *Peripherization. The Making of Spatial Dependences and Social Injustice*. Fischer-Tahir A., Naumann M., Eds. Wiesbaden: Springer, 2013, pp. 101–120.
- Lyuri D.I., Goryachkin S.V., Karavaeva N.A., Denisenko E.A., Nefedova T.G. *Dinamika sel'skokhozyaistvennykh zemel' v XX veke i postagrogennoe vosstanovlenie rastitel'nosti i pochv* [Agricultural Land Dynamics in the 20th Century and Post-Agrogenic Recovery of Vegetation and Soils]. Moscow: GEOS Publ., 2010. 416 p.
- Makhrova A.G. Current trends in the development of the suburban area of the Moscow agglomeration. In *Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya: istoriya, teoriya, metody, praktika* [Socioeconomic Geography: History, Theory, Methods, Practice]. Katrovskii A.P., Shuvalov V.E., Agirrechu A.A., Eds. Smolensk: Smolensk. Univ., 2021, pp. 346–352. (In Russ.).
- Makhrova A.G., Medvedev A.A., Nefedova T.G. Gardening and dacha communities of urban dwellers in the set-

- tlement system. *Vestn. Mosk. Univ., Ser. 5: Geogr.*, 2016a, no. 2, pp. 64–74. (In Russ.).
- Makhrova A.G., Nefedova T.G., Treivish A.I. The Central Russian megalopolis: Polarization of space and population mobility. *Vestn. Mosk. Univ., Ser. 5: Geogr.*, 2016b, no. 5, pp. 77–85. (In Russ.).
- Maleva T.M., Lyashok V.Yu., Zubarevich N.V. Socioeconomic dynamics and the situation of the regions in mid-2019. (based on the results of the regular monitoring by INSAP RANEPa). *Ekonomicheskoe Razvitiye Rossii*, 2019, vol. 26, no. 9, pp. 35–50. (In Russ.).
- Massey D. *Spatial Divisions of Labor: Social Structures and the Geography of Production*. N.Y.: Methuen, 1984. 339 p.
- Medvedev A.A., Nefedova T.G. Post-Soviet transformation of livestock in Central Russia according to statistics, satellite imagery, and the authors' observations. *Reg. Res. Russ.*, 2021, vol. 11, pp. 589–604. <https://doi.org/10.1134/S2079970521040134>
- Meyfroidt P., Schierhorn F., Prishchepov A., Müller D., Kuemmerle T. Drivers, constraints and trade-offs associated with recultivating abandoned cropland in Russia, Ukraine, and Kazakhstan. *Glob. Environ. Change.*, 2016, vol. 37, pp. 1–15.
- Mezhdum domom i... domom. Vozvratnaya prostranstvennaya mobil'nost' naseleniya Rossii* [Between Home and... Home. Return Spatial Mobility of the Russian Population]. Nefedova T.G., Averkieva K.V., Makhrova A.G., Eds. Moscow: Novyi Khronograf Publ., 2016. 504 p.
- Mkrtychyan N.V. Regional capitals of Russia and their suburbs: specifics of the migration balance. *Reg. Res. Russ.*, 2019, vol. 9, pp. 12–22. <https://doi.org/10.1134/S2079970519010076>
- Nagirnaya A.V. Problems of informatization of Russia in the context of geographical unevenness and global instability. *Geografiya i Ekologiya v Shkole XXI Veka*, 2019, no. 9, pp. 12–20. (In Russ.).
- Naumov A.S. Regional agricultural development in European countries and in Russia in the context of global food interdependence and scarcity of land resources. *Vestn. RUDN. Ser. Ekon.*, 2014, no. 3, pp. 63–74. (In Russ.).
- Nefedova T.G. Contrasts of socioeconomic space in the center of Russia and their evolution: two cross-section cases. *Reg. Issled.*, 2020, no. 2 (68), pp. 18–38. (In Russ.).
- Nefedova T.G. *Desyat' aktual'nykh voprosov o sel'skoi Rossii. Otveti geografa* [Ten Topical Questions about Rural Russia. Geographer's Answers]. Moscow: URSS Publ., 2013. 456 p.
- Nefedova T.G. Development of the post-Soviet agricultural sector and rural spatial polarization in European Russia. *Prostranstvennaya Ekonomika*, 2019, vol. 15, no. 4, pp. 36–56. (In Russ.).
- Nefedova T.G., Glezer O.B. Transformation of the socio-geographic space of Russia. In *Vyzovy i politika prostranstvennogo razvitiya Rossii v XXI veke* [The Challenges and Policies of Spatial Development in Russia in the 21st Century]. Moscow: KMK Publ., 2020, pp. 214–252. (In Russ.).
- Nefedova T.G., Medvedev A.A. Shrinkage of the developed space in Central Russia: Population dynamics and land use in rural areas. *Reg. Res. Russ.*, 2020, vol. 10, no. 4, pp. 559–571.
- Nefedova T.G., Sheludkov A.V. The main factors of spatial differentiation. Diagnostics of the socioeconomic situation in cities and districts. In *Staroosvoennye raiony v prostranstve Rossii: istoriya i sovremennost'* [Old-Developed Regions in the Sociogeographic Space of Russia: History and Contemporaneity]. Nefedova T.G., Starikova A.V., Eds. Moscow: KMK Publ., 2021, pp. 323–347. (In Russ.).
- Nefedova T.G., Starikova A.V. Population migration as a way of adapting to the polarization of space in central Russia. *Sotsiol. Issled.*, 2020, no. 10, pp. 24–38. (In Russ.).
- Nefedova T.G., Treivish A.I. Cities and the countryside: condition and relationship in the space of Russia. *Reg. Issled.*, 2010, no. 2, pp. 42–57. (In Russ.).
- Nefedova T.G., Treivish A.I. Russia's early developed regions within shrinking social and economic space. *Reg. Sci. Policy Pract.*, 2020, vol. 12, no. 4, pp. 641–655.
- Nefedova T.G., Treivish A.I. The transformation of settlement in modern Russia: urbanization or de-urbanization? *Reg. Issled.*, 2017, no. 2 (56), pp. 12–23. (In Russ.).
- Nefedova T.G., Treivish A.I. Uneven development of old industrial regions in the Middle Urals. *Reg. Res. Russ.*, 2021, vol. 11, no. 2, pp. 153–167.
- Okun A.M. *Equality and Efficiency: The Big Tradeoff*. Washington, D.C.: Brookings Inst., 1975. 124 p.
- PoSCoPP (Research Group Production of Space in the Context of Polarization and Peripheralization). Understanding new geographies of Central and Eastern Europe. In *Understanding Geographies of Polarization and Peripheralization: Perspectives from Central and Eastern Europe and Beyond*. Lang T., Henn S., Sbignev W., Ehrlich K., Eds. London: Palgrave Macmillan, 2015, pp. 1–21.
- Prirodno-klimaticheskie usloviya i sotsial'no-geograficheskoe prostranstvo Rossii* [Natural-Climatic Conditions and Socio-Geographical Space of Russia]. Zolotokrylin A.N., Vinogradova V.V., Glezer O.B., Eds. Moscow: Inst. Geogr. RAN, 2018. 156 p.
- Prostranstvo sovremennoi Rossii: vozmozhnosti i bar'ery razvitiya. Razmyshleniya geografov-obshchestvovedov* [The Space of Modern Russia: Opportunities and Barriers to Development. Reflections of Geographers and Social Scientists]. Moscow, Rostov-on-Don: ARGO, 2012. 303 p.
- Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu: 222 goda spustya* [Journey from Petersburg to Moscow: 222 Years Later]. Book 1: *Dva stoletiya rossiiskoi istorii mezhdum Moskvoy i Sankt-Peterburgom* [Two Centuries of Russian History Between Moscow and St. Petersburg]. Nefedova T.G.,

- Treivish A.I., Averkieva K.V., Eds. Moscow: Lenand Publ., 2015. 240 p.
- Rogers E.M. *Diffusion of Innovations*. N.Y.: Macmillan, 1962. 367 p.
- Rolling Back Russia's Spatial Disparities. Re-Assembling the Soviet Jigsaw under a Market Economy*. World Bank Group, 2018. 58 p.
- Romashina A.A. Types of municipalities in Russian Federation by economic structure and position in settlement pattern. *Reg. Res. Russ.*, 2020, vol. 10, pp. 164–171. <https://doi.org/10.1134/S2079970520020112>
- Second Home Tourism in Europe: Lifestyle Issues and Policy Responses*. Roca Z., Ed. Farnham: Ashgate Publ., 2013. 331 p.
- Shagaida N.I., Uzun V.Ya. *Draivory rosta i strukturnykh sdvigov v sel'skom khozyaistve Rossii* [Drivers of Growth and Structural Shifts in Russian Agriculture]. RANEP Reports, 2019, no. 4. Moscow: Delo Publ., 2019. 96 p.
- Sheludkov A.V., Rasskazov S.V., Farakhutdinov Sh.F. *Sel'skie munitsipaliteti yuga Tyumenskoi oblasti: prostranstvo, statistika, vlast'* [Rural Municipalities in the South of the Tyumen Oblast: Space, Statistics, Power]. Moscow: Strana Oz Publ., 2016. 184 p.
- Shuper V.A., Em P.P. Expanding Moscow: an alternative in terms of central place theory. In *Rossiiskaya glubinka – modeli i metody izucheniya* [The Russian Countryside – Models and Methods of Study]. Moscow: Eslan Publ., 2012, pp. 124–135. (In Russ.).
- Smith A., Timar J. Uneven transformations: Space, economy and society 20 years after the collapse of state socialism. *Eur. Urban Reg. Stud.*, 2010, vol. 17, no. 2, pp. 115–125.
- Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya v Rossii* [Socioeconomic Geography in Russia]. Baklanov P.Ya., Shuvalov V.E., Eds. Valdivistok: Dal'nauka Publ., 2016. 326 p.
- Staroosvoennye raiony v prostranstve Rossii: istoriya i sovremennost'* [Old-Developed Regions in the Sociogeographic Space of Russia: History and Contemporaneity]. Nefedova T.G., Starikova A.V., Eds. Moscow: KMK Publ., 2021. 379 p.
- Streletsky V. Ethnic, confessional and cultural patterns of regionalism in the post-Soviet Russia. *Hung. Geogr. Bull.*, 2017, vol. 66, no. 3, pp. 219–233.
- Szhatie sotsial'no-ekonomicheskogo prostranstva: novoe v teorii regional'nogo razvitiya i praktike ego gosudarstvennogo regulirovaniya* [Shrinking Socioeconomic Space: Novelities in the Theory of Regional Development and Practice of Its State Regulation]. Artobolevskii S.S., Sintserov L.V., Eds. Moscow: Eslan Publ., 2010. 428 p.
- Tarkhov S.A. Changes in air transport connectivity of Russian cities in 1990–2015. *Reg. Res. Russ.*, 2017, vol. 7, pp. 127–145. <https://doi.org/10.1134/S2079970517020095>
- Tarkhov S.A. *Izmenenie svyaznosti prostranstva Rossii (na primere aviapassazhirskogo soobshcheniya)* [Changes in the Connectivity of Russia's Space (on the Example of Air-Passenger Traffic)]. Moscow, Smolensk, 2015. 154 p.
- Thünen J.H. von. *Der isolirte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie*. Hamburg: Perthes, 1826. 290 p.
- Timmer P. Tendencias de la agricultura en la era de la globalización: una visión prospectiva. *Comuniica*, 1997, vol. 7, pp. 40–50.
- Tishkov V.V. *Ustoichivost' i podvizhnost' etnokul'turnykh granits* [Stability and Variability of Ethnocultural Boundaries]. Moscow: Staryi Sad Publ., 2008. 230 p.
- Tkachenko A.A., Fomkina A.A. Peripheral areas of Central Russia: an experience of a formalized identification. In *Rossiiskaya glubinka – modeli i metody izucheniya* [The Russian Countryside – Models and Methods of Study]. Moscow: Eslan Publ., 2012, pp. 49–62. (In Russ.).
- Treivish A.I. *Gorod, raion, strana i mir. Razvitiye Rossii glazami stranoveda* [City, District, Country and World. Development of Russia through the Eyes of a Regional Geographer]. Moscow: Novyi Khronograf Publ., 2009. 372 p.
- Treivish A.I. Levels of development and structural types of areas. In *Staroosvoennye raiony v prostranstve Rossii: istoriya i sovremennost'* [Old-Developed Regions in the Sociogeographic Space of Russia: History and Contemporaneity]. Nefedova T.G., Starikova A.V., Eds. Moscow: KMK Publ., 2021, pp. 30–38. (In Russ.).
- Treivish A.I., Nefedova T.G. Capital status, centrality, size, and rivalry of cities in the world and in Russia. In *Geourbanistika i gradostroitel'stvo: teoreticheskie i prikladnye issledovaniya* [Urban Geography and Urban Planning: Theoretical and Applied Research]. Makhrova A.G., Ed. Moscow: Mosk. Gos. Univ., 2021, pp. 49–72. (In Russ.).
- Urbanization and Growth*. Spence M., Annez P.C., Buckley R.M., Eds. World Bank, 2009. 288 p.
- Uskova T.V. Spatial development of territories: status, trends, ways to reduce risks. *Probl. Razvitiya Territorii*, 2015, no. 1, pp. 7–15. (In Russ.).
- Visser A., Spoor M., Mamonova N. Is Russia the emerging global “breadbasket”? Re-cultivation, agroholdings, and grain production. *Europe-Asia Stud.*, 2014, vol. 66, no. 10, pp. 1589–1610.
- Vyzovy i politika prostranstvennogo razvitiya Rossii v XXI veke* [The Challenges and Policies of Spatial Development in Russia in the 21st Century]. Kotlyakov V.M., Shvetsov A.N., Glezer O.B., Eds. Moscow: KMK Publ., 2020. 365 p.
- Wegren S.K. Rural inequality in post-Soviet Russia. *Probl. Post-Communism*, 2014, vol. 61, no. 1, pp. 52–64.
- Zaionchkovskaya Zh.A. Russia: large-scale immigration is inevitable. In *Geograficheskoe polozhenie i territorial'nye struktury: pamyati I.M. Maergoiza* [Geographic Location and Territorial Structures: in Memory of I.M. Maergoyz]. Polyan P.M., Treivish A.I., Eds. Moscow: Novyi Khronograf Publ., 2012, pp. 659–687. (In Russ.).
- Zotova M.V. The tertiary economy: trade and services. In *Sovremennaya Rossiya: geograficheskoe opisanie nashego Otechestva. Evropeiskaya Rossiya i Ural* [Modern Russia: A Geographical Description of Our Fatherland. European Russia and the Urals]. Book 1: *Obshchii obzor* [General Overview]. Kotlaykov V.M., Glezer O.B., Eds. Moscow: Paulsen Publ., 2022. (In Russ.).
- Zubarevich N.V. Poverty in Russian regions in 2000–2017: factors and dynamics. *Population and Economics*,

- 2019b, vol. 3, no. 1, pp. 63–74.
<https://doi.org/10.3897/popecon.3.e35376>
- Zubarevich N.V. *Regiony Rossii. Neravenstvo, krizis, modernizatsiya* [Regions of Russia. Inequality, Crisis, Modernization]. Moscow: Nezavisimyi Inst. Sotsial'noi Politiki, 2010. 160 p.
- Zubarevich N.V. Rent of capital status. *Pro et Contra*, 2012, vol. 16, no. 6, pp. 6–18. (In Russ.).
- Zubarevich N.V. Spatial development strategy: priorities and tools. *Vopr. Ekonomiki*, 2019c, no. 1, pp. 135–145. (In Russ.).
- Zubarevich N.V. The inequality of Russia's regions and major cities: what has changed in the 2010s? *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost'*, 2019a, no. 4, pp. 57–70. (In Russ.).
- Zubarevich N.V., Makarentseva A.O., Mkrtchyan N.V. Socioeconomic situation of regions and demographic results in 2019 (based on the results of the regular monitoring of INSAP RANEPa). *Ekonomicheskoe Razvitiye Rossii*, 2020, vol. 27, no. 4, pp. 73–87. (In Russ.).
- Zubarevich N.V., Safronov S.G. People and money: Incomes, consumption and financial behavior of the population of the Russian regions in 2000–2017. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2019, no. 5, pp. 3–17. (In Russ.).
<https://doi.org/10.31857/S2587-5566201953-17>